

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

МУЖЧИНА В ЖЕНСКОЙ
КОМПАНИИ

18+

Сергей Патрушев

Мужчина в женской компании

«Автор»

2026

Патрушев С.

Мужчина в женской компании / С. Патрушев — «Автор», 2026

Архммаг Дмитрий сдал экзамен, хотел поспать и тихо спиться в канаве. Но Вселенная послала ему четырех феерических баб: водную истеричку, воздушную болтушку, каменную занозу и иллюзионистку-маньячку. Плюс одну сиротку-миллионершу. Теперь Дима их нянька, повар и психолог. Он пытается спасти мир от Инквизиции, а свою печень от болотного самогона. Спойлер: болото сожрёт его тапки раньше, чем он объяснит им, почему нельзя превращать таверну в руины ради караоке!

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Роковой ливень и неверный столик	5
Глава 2. Стихийное бедствие по имени «Дамы»	13
Глава 3. Первая попытка побега и «Железная хватка»	22
Глава 4. Меню, которое не заканчивается	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Патрушев

Мужчина в женской компании

Глава 1. Роковой ливень и неверный столик

Вода не просто падала с неба. Она обрушивалась на Верхний Город сплошной, плотной стеной, словно разгневанные боги решили в один миг смыть столицу Империи вместе со всеми ее шпилями, мостовыми из зачарованного гранита и самонадеянными обитателями. Дмитрий стоял под козырьком Академии Высоких Искусств, прижимая к груди кожаный тубус с новеньким, еще пахнущим свежей краской дипломом Архимага Элементальной Магии. Бумага внутри казалась сейчас самой нелепой вещью на свете — сухой островок тщеславия посреди бушующего океана.

Дождь грохотал по брусчатке так, что закладывало уши. Молнии цвета расплавленного серебра били в шпиль Башни Связи каждые полминуты, заставляя защитные купола над кварталами аристократов вспыхивать болезненным фиолетовым светом. В воздухе пахло озоном, мокрым камнем и гарью от перегоревших уличных фонарей.

Дмитрий был выжат досуха. Семилетняя гонка за этим титулом закончилась полчаса назад в Зале Испытаний. Он победил. Он призвал огненную саламандру размером с лошадь, заморозил реку Илларион до самого дна и удерживал ураган четвертого порядка целых три минуты. Комиссия аплодировала стоя. Ректор пожал ему руку, назвав «надеждой поколения». А теперь эта надежда стояла под дождем, чувствуя себя последним идиотом. Его парадная мантия, расшитая рунами защиты от стихий, промокла насквозь за те десять секунд, пока он бежал от дверей Академии до этого жалкого козырька. Ткань весила как кольчуга, ледяная вода стекала за шиворот, а сапоги хлюпали при каждом движении.

До его квартиры в квартале Чародеев было всего два квартала вниз по улице Медников. Пустяковое расстояние для человека, способного телепортироваться через континент. Но сил не осталось даже на простейшее бытовое плетение. Ментальная усталость после экзамена была похожа на выжженную пустыню в голове. Любая попытка сплести структуру хотя бы для сушки одежды вызывала тошноту и звон в ушах. Единственное, чего хотелось — это тишины, темноты и сухого угла.

Он поднял воротник, бесполезно пытаясь спасти остатки достоинства, и шагнул под ливень. Вода ударила по лицу тысячей мелких гвоздей. Первые пять шагов он шел, низко наклонив голову, борясь с ветром, который пытался сорвать с него мантию. На шестом шаге порыв ветра швырнул ему в лицо чей-то летящий по воздуху мусор, а следующий удар молнии ослепил на мгновение. Громыкнуло так, что зазвенели стекла в витрине закрытой уже часовой лавки.

И тут он увидел свет.

Над тяжелой дубовой дверью качалась медная вывеска, с которой ручьями лилась позолота. «У старого контрабандиста». Название совершенно не вязалось с респектабельным районом, но теплый, дрожащий оранжевый свет, падавший на мокрый порог, показался Дмитрию вратами в Валгаллу.

Он ввалился внутрь, едва не сбив с ног латунную стойку для зонтов. Дверь захлопнулась за ним с глухим стуком, отрезая рев стихии.

Звук изменился кардинально. Вместо грохота потопа здесь царило уютное шипение дров в огромном камине, тихий гул голосов и мелодичный звон капель, срывающихся с плащей посетителей в общий медный таз у входа. Воздух пах жареным мясом, старым деревом, крепким табаком и чем-то сладковато-винным.

Дмитрий замер на пороге, тяжело дыша. С него натекала приличная лужа. Парадная мантия превратилась в мокрую тряпку, волосы прилипли ко лбу, делая его похожим на утопленника, чудом выбравшегося из могилы. Посетители — пара солидных торговцев в углу, компания шумных младших магов-недоучек у стойки и несколько теней в дальних кабинках — покосились на него с ленивым любопытством и вернулись к своим делам. Никто не узнал недавнего героя выпускных испытаний. Для них он был просто вымокшим неудачником.

— Доброй ночи, господин маг, — раздался голос откуда-то справа.

Из-за барной стойки выглянул хозяин заведения — седой, монументальный мужчина с лицом, испещренным старыми шрамами, которые странным образом складывались в карту Южных морей. Он протирал толстостенный стакан грязноватым полотенцем.

— Грог, — просипел Дмитрий, подходя ближе. Зубы начали выбивать дробь. — Самый крепкий. И сухую салфетку, если найдется.

Хозяин молча кивнул. Ни удивления, ни лишних вопросов. Через минуту перед Дмитрием появилась тяжелая глиняная кружка, исходящая густым пряным паром, и стопка чистых льняных полотенец.

Глоток грога прокатился по горлу жидким огнем. Дмитрий выдохнул, чувствуя, как тепло начинает медленно разливаться от желудка к онемевшим пальцам. Он упал на тяжелый деревянный стул за самым дальним столом, втиснутым между старинным буфетом и массивной колонной, поддерживающей сводчатый потолок. Идеальное место. Темнота скрывала его убогий вид, колонна давала иллюзию защищенности, а спина упиралась в надежную кладку. Отсюда был виден весь зал, но сам он оставался в тени. План идеального вечера провалившегося аристократа: напиться в одиночестве, высушить одежду остатками магии сна и телепортироваться домой прямо из-за стола, когда шторм утихнет.

Он снял тяжелые, набравшие воды перчатки, бросил их на стол рядом с тубусом и принялся растирать руки. Кожа покраснела. За соседней колонной тихо спорили о ценах на драконью чешую. Где-то в глубине зала фальшиво, но душевно настраивали лютню. Жизнь продолжалась, игнорируя его личный триумф и текущее унижение.

Дмитрий сделал второй глоток. Напиток оказался забористым — ром местного производства, настоянный на перце чили, корице и какой-то местной траве, название которой хозяин благоразумно опустил. Голова приятно поплыла. Усталость начала сменяться глухим, тяжелым равнодушием. Именно то состояние, ради которого он сюда пришел.

Именно в этот момент сквозняк решил изменить его судьбу.

Тяжелая входная дверь снова открылась, впуская новый шквал дождя и холодного воздуха. Кто-то вошел, громко стуча каблуками по каменному полу. Поток воздуха пронесся через весь зал, взметнул шторм на окне, пошевелил страницы оставленной кем-то газеты, добрался до Дмитрия, обдал его запахом дорогих духов — горькой полыни, черной орхидеи и жженого сахара — и устремился дальше, прямо к его столу.

Что-то маленькое, белое и невесомое отделилось от невидимой руки, сделало изящный пируэт в воздухе и, подхваченное потоком, спланировало точно Дмитрию под ноги.

Это была дамская перчатка. Из тончайшей лайки, жемчужно-серого цвета, с пуговичкой из черного опала на запястье. Такие вещи не носят студентки или жены бакалейщиков. Это вещь баснословной цены, предмет гардероба женщины, которая никогда не считает деньги и привыкла, что мир расстилается перед ней ковровой дорожкой.

Дмитрий машинально нагнулся, чтобы поднять ее. Перчатка была чуть влажной от уличной взвеси, но все равно удивительно мягкой. Он выпрямился, намереваясь окликнуть владелицу, но та уже скрылась за поворотом к центральной части зала.

Однако она остановилась.

Их разделяло метров пятнадцать, танцующие пары, официант с подносом и густой табачный дым. Но Дмитрий почувствовал этот взгляд кожей затылка. Острое, целенаправленное

внимание. Женщина — точнее, силуэт женщины в элегантном темно-изумрудном дорожном платье, подчеркивающим фигуру так, как не умеют делать портнихи для простых смертных, — стояла неподвижно. Ее спутницы, щебеча что-то неразборчивое, прошли дальше к свободному столику, но она осталась стоять, глядя прямо на него.

Она сделала крошечную паузу, давая ему ровно секунду на осознание ситуации, а затем произнесла голосом, который легко перекрыл музыку и гомон: — Ах, какая неловкость! Кажется, я потеряла свою память. Или перчатку. Одно из двух, право слово.

По залу прошелестел смехок. Торговцы оценили шутку. Спутницы дамы обернулись, картинно всплеснув руками. Их было четверо. Четыре потрясающе красивые, дорого одетые женщины, появление которых в подобном заведении казалось такой же аномалией, как снегопад в середине июля.

Первая, та самая обладательница изумрудного платья, улыбнулась. У нее были правильные, почти хищные черты лица, высокие скулы и глаза цвета выдержанного коньяка. Аглая. Имя само собой всплыло в памяти Дмитрия, хотя он готов был поклясться, что никогда раньше ее не встречал. Такие лица врезаются в память намертво, и пустоты там быть не может.

Вторая — миниатюрная блондинка в небесно-голубом шелке, вся состоящая из острых углов и быстрых движений. Лана. Она уже нетерпеливо пританцовывала на месте, стреляя глазками в сторону барной стойки.

Третья — статная брюнетка с волосами цвета воронова крыла, собранными в сложную высокую прическу, державшуюся вопреки законам физики. Платье глубокого бордового оттенка выгодно оттеняло бледную кожу. Валерия. Она держала спину так прямо, что могла бы служить лекалом для гвардейского знамени. Взгляд ее был холоден и оценочен, как у имперского сборщика налогов.

Четвертая... Четвертую Дмитрий заметил не сразу. Она стояла чуть позади остальных, кутаясь в палантин из чернобурки, словно пыталась раствориться в тенях. Самая молодая из всех, с копной непокорных рыжих кудрей, выбившихся из-под шляпки, и огромными, влажными глазами раненой лани. Софья. От нее веяло не агрессивной роскошью подруг, а тихой, звенящей тревогой.

Аглая плавным, гипнотическим движением обогнула препятствия и направилась прямо к нему. Шла она не быстро, но каждый ее шаг, кажется, отдавался эхом под потолком таверны. Мужчины провожали ее взглядами, забыв про свои карты и выпивку.

— Вы ведь позволите? — спросила она, останавливаясь у его столика. Вопрос был чистой формальностью; она уже опускалась на свободный стул напротив, одним грациозным движением подбирая юбки. Запах ее духов стал невыносимо густым, вытесняя запахи дешевого эля и тушеной капусты. — Я видела, как мой скакун сбросил эту деталь туалета именно к вашим ногам. Судьба редко бывает столь буквальна, вам не кажется?

Дмитрий положил перчатку на стол между ними, подальше от своей кружки. — Скорее, виноват сквозняк, госпожа, — ответил он. Голос после грога звучал хрипло, но ровно. — Ваш скакун сегодня никуда не выходил. По крайней мере, без вашей помощи.

Лана, уже устроившаяся за центральным столиком, фыркнула в бокал. Валерия едва заметно приподняла бровь. Софья затаила дыхание.

Аглая рассмеялась. Смех у нее был низкий, грудной, абсолютно искренний. — Какой наблюдательный молодой человек. Сквозняк действительно обладает скверным характером. Но мы обе знаем, что дело не в нем. Меня зовут Аглая. А вы выглядите так, будто только что выиграли войну с Неприкайнным океаном, но забыли потребовать контрибуцию.

Дмитрий устало потер переносицу. Этот вечер обещал стать долгим. Женщины такого типа всегда делились на две категории: тех, кто хотел получить доступ к его будущему статусу и связям, и тех, кому просто нравилось ломать чужие планы. Судя по уверенности Аглаи, она совмещала оба удовольствия. — Я сражался лишь с собственной глупостью и комиссией Ака-

демии, — сказал он. — И проиграл обоим. Оставьте перчатку себе, мне она ни к чему. И прошу меня извинить, я предпочел бы вернуться к своему напитку. Погода располагает к меланхолии.

— Меланхолия — это прекрасно, — мурлыкнула Аглая, проигнорировав намек. Она взяла со стола его вторую, сухую перчатку и задумчиво повертела ее в руках. — Особенно когда ею можно поделиться. Знаете, моя подруга Валерия утверждает, что лучший способ развеять дурное настроение — это сменить обстановку. Хотя бы на минутку. Наш столик куда суше вашего стула, а вино там определенно лучше этого... крестьянского варева. — Она пренебрежительно кивнула на его кружку.

— Вареву оплачено тремя золотыми империялами, — сухо парировал Дмитрий. — И оно единственное стоит между мной и желанием уснуть лицом в столешнице. Ваше предложение лестно, но вынужден отказаться. Мой лимит социальной активности на сегодня исчерпан сдачей двенадцати боевых дисциплин.

Валерия за главным столом демонстративно посмотрела на часы-брошь на своем запястье. Жест был рассчитан на Дмитрия. *«Мы теряем время»*, говорила ее прямая спина. Лана скусающе изучала узоры на потолке. Только Софья смотрела на него умоляюще, беззвучно шевеля губами. Что она пыталась сказать? *«Беги»*? Или *«Помоги»*?

Аглая наклонилась вперед, опираясь локтями о стол. Декольте ее платья оказалось достаточно глубоким, чтобы отвлечь любого мужчину, но Дмитрий смотрел ей прямо в глаза. Там плясали веселые, опасные огоньки. — Всего на одну рюмочку, архимаг, — прошептала она, переходя на ты и называя его звание впервые. Значит, узнала. Игра становилась интереснее. — Мы приехали в город только вчера вечером. Вагоны трясло так, что мои лучшие духи пролились на багаж, подруги поссорились из-за того, кому достанется полка у окна, а наш кучер едва не задавил курицу магистрата. Нам всем отчаянно нужен глоток нормальной жизни. Настоящего разговора. Без масок, титулов и этих ужасных дорожных платьев. Просто четыре уставшие женщины и один очень интересный мужчина. Составьте нам компанию. Буквально на четверть часа. Пока дождь не превратит улицы в каналы.

Она использовала запрещенный прием. Назвала его «интересным», зная, что любой амбициозный маг страдает от чудовищного голода по признанию. Плюс упомянула маски — тонкий намек на то, что видит его настоящую усталость под маской высокомерия.

Дмитрий посмотрел на свою недопитую кружку. Потом на стену дождя за окном. Потом на четырех женщин. Аглая смотрела на него с предвкушением охотника, загнавшего редкую добычу. Лана — с хищным интересом коллекционера. Валерия — с холодной калькуляцией. Софья — с нарастающей паникой в глазах.

Если он пойдет, вечер будет разрушен. Эти «четверть часа» растянутся до закрытия заведения. Будут вопросы, двусмысленные комплименты, попытки выведать секреты нового Архимага, сплетни двора. Ему придется играть роль — остроумного, загадочного, доступного. Сил на это не было.

Но с другой стороны... Если он останется сидеть здесь, в темноте, Аглая продолжит осаду. Она умеет ждать. Она подойдет снова через десять минут. Привлечет внимание всего зала. Сделает сцену. Или, что еще хуже, начнет действовать тоньше, отравляя его одиночество своим присутствием издалека. Иногда проще дать собаке кость, чтобы она отстала от ноги.

А еще где-то глубоко, под слоем усталости и раздражения, ворохнулось старое, давно забытое чувство азарта. Экзамен закончился победой техники. Здесь начиналась другая дуэль — психологическая. И уклонение от боя иногда считается поражением.

— Одну рюмку, — повторил он вслух, принимая решение. — И ни минутой больше. У меня завтра встреча с Императорской Канцелярией, а ваш гог имеет свойство превращать утро в адское пекло.

Аглая победоносно улыбнулась, обнажая идеально ровные белые зубы. — Обещаю, утром вы поблагодарите нас за бессонную ночь.

Она поднялась так же плавно, как и села. Дмитрий тяжело вздохнул, взял со стола свой тубус с дипломом (расставаться с единственной ценной вещью он не собирался) и поднялся следом. Ноги затекли от долгого сидения.

Когда он вышел из своего спасительного сумрака в центр зала, взгляды всех присутствующих снова обратились к нему. Картина маслом: растрепанный, помятый жизнью победитель стихий в компании четырех безупречных леди. Контраст бил по глазам сильнее, чем недавняя молния.

За их столом уже освободили места. Валерия сдвинулась во главу, освобождая кресло по правую руку от себя — самое почетное место. Лана заняла позицию слева, поближе к бутылкам. Софья сжалась на самом краешке стула, комкая в тонких пальцах край скатерти.

Дмитрий сел в предложенное кресло. Оно оказалось неожиданно мягким, обволакивающим. Опасный знак. Из таких кресел люди обычно встают с рассветом следующего дня.

— Господа, знакомьтесь, — провозгласила Аглая, занимая место между ним и рыжей Софьей. — Это Дмитрий. Новый Архимаг. Тот самый, что неделю назад укротил Огненного Змея в демонстрационном зале Старого Дворца. Дмитрий, это моя сестра Лана. — Блондинка томно махнула рукой. — Моя дорогая кузина Валерия. — Брюнетка коротко, официально кивнула, не тратя сил на улыбку. — И наша подопечная, бедная сиротка Софья. — Рыжая вздрогнула и попыталась сделать реверанс сидя, отчего едва не упала носом в тарелку.

— Очень приятно, — соврал Дмитрий. — Прошу прощения за мой внешний вид. Ливень застал врасплох.

— Ерунда, — отмахнулась Лана, собственническим жестом подвигая к нему блюдо с сырной нарезкой. — Мокрая рубашка на мужчине с такими плечами смотрится гораздо честнее, чем золотой эполет на пузе министра торговли. Выпейте.

Она сама плеснула ему в бокал тягучего красного вина из хрустального графина.

Дмитрий принял бокал. Стекло было ледяным, приятным на ощупь. Он пригубил напиток. Вино оказалось великолепным — терпким, с нотками ежевики и долгим послевкусием дикого вереска. Такое стоило дороже, чем вся одежда, которая сейчас сушилась на нем под действием слабого согревающего амулета, спрятанного в поясе.

— Итак, — Валерия постучала идеальной ногтевой пластиной по краю своего бокала. Звук получился чистым, музыкальным. — Раз уж мы вытащили вас из добровольного изгнания, архимаг, давайте перейдем к делу. Время позднее, а дороги завтра будут разбиты. Говорят, вы специализируетесь на пространственной механике?

Вот оно. Началось. Никакой погоды, никакой меланхолии. Прямая атака. Пространственная механика — самая сложная, закрытая и прибыльная область высшей магии. Телепортация грузов, прокладка стационарных порталов, искажение метрики — монополия Короны и десятка богатейших торговых домов. Лицензия на частную практику в этой сфере делает человека богаче короля за пару лет.

— Я специализируюсь на выживании в условиях открытого эфира, госпожа, — вежливо ответил Дмитрий, отставляя бокал. — Что включает в себя и пространственные расчеты. Но боюсь, мои текущие обязательства перед Академией исключают любые частные контракты минимум на год. Таковы правила гильдии.

— Правила созданы для того, чтобы находить в них исключения, — промурлыкала Аглая, касаясь своим коленом его колена под столом. Касание было мимолетным, случайным, но абсолютно недвусмысленным. — Разве величайший маг современности должен следовать букве закона, написанной посредственностями? Мы могли бы предложить условия, от которых Совет Гильдии...

— Аглая, — мягко, но властно оборвала ее Валерия. — Не торопись. Дай человеку дотпить первый бокал. — Она повернулась к Дмитрию. — Мы вовсе не предлагаем вам нарушать закон, архимаг. Речь идет о легальном сопровождении. Частная экспедиция. Три недели

пути. Оплата золотом, камнями и правом первого выбора артефактов из локации. Никаких контрактов с Короной. Полная конфиденциальность. Нам нужно просто пересечь Хрустальные Болота. Те самые, где пространство плывет, как воск над свечой.

Дмитрий внутренне напрягся. Хрустальные Болота — одно из самых поганых мест на материке. Классические порталы там схлопываются, координаты плывут, а навигационные големы сходят с ума. Провести караван через топи без потерь мог либо безумец, либо мастер экстра-класса.

— Экспедиция в Болота требует армейского сопровождения и лицензии Министерства Путей, — сухо сказал он. — Я не наемник. Я чиновник высокого ранга. Меня казнят за измену быстрее, чем мы дойдем до первой кочки.

— Министерство выдаст лицензию задним числом, если груз окажется интересным, — вмешалась Лана, отправляя в рот ягоду винограда. — А армия нам не нужна. С таким проводником, как вы, нам не страшен ни туман, ни местные твари. Они сами разбегутся, почувствовав плотность ваших щитов.

Софья вдруг резко вскинула голову. Ее огромные глаза блестели слишком ярко, словно она готова была расплакаться. — Пожалуйста, — тихо сказала она, и ее голос дрогнул. — Это вопрос жизни и смерти. Мы... мы заплатим любую цену. Правда, девочки?

Лана закатила глаза. Аглая бросила на подругу быстрый предупреждающий взгляд. Валерия осталась невозмутима, как мраморная статуя.

Дмитрий перевел взгляд с одной на другую. История стремительно переставала быть простой вечеринкой скучающих аристократок. Две хищницы пытаются завербовать перспективного мага. Одна администратор-счетовод оценивает активы. И одна перепуганная девочка, вокруг которой почему-то выстроена круговая оборона.

Он поставил пустой бокал на стол. Вино закончилось слишком быстро. — Любой ценой платят только дураки, — произнес он, глядя прямо в янтарные глаза Аглаи. — Обычно цена оказывается выше их способности выжить. Спасибо за вино, дамы. Вечер был познавательным.

Он начал подниматься, чувствуя на себе четыре разных взгляда: разочарование Аглаи, раздражение Ланы, холодное одобрение Валерии и неприкрытый ужас Софьи.

— Сядьте, архимаг, — негромко, но так, что звук прорезал общий гул таверны, произнесла Валерия.

Дмитрий замер. В голосе брюнетки лязгнул металл. Это был не приказ куртизанки. Это был приказ командира гарнизона. Он медленно опустился обратно в кресло. Кресло показалось ему теперь не мягким, а тесным, как ящик.

— Хорошо, — Валерия сцепила пальцы в замок. — Перейдем к фактам, минуя прелюдии, на которые у моих родственниц уходит слишком много времени. Софья — наследница состояния рода Борецких. Два дня назад на нашу карету напали на Северном тракте. Родители мертвы. Охрана перебита. Мы инсценировали ее смерть и везем девочку в тайное убежище ордена Белой Розы. Люди, уничтожившие ее семью, имеют своих информаторов в городской страже, почтовой службе и, насколько я могу судить по вашему внезапному появлению в этом заведении, возможно, даже в стенах вашей хваленной Академии.

В таверне внезапно стало очень тихо. Даже музыкант перестал брэнчать на лютне. Валерия говорила ровным, лишенным эмоций голосом, но каждое слово падало на плечи Дмитрия тяжелой гирей.

— Если мы воспользуемся официальными порталами или наймем обычного проводника, нас перехватят до границы графства, — продолжала брюнетка. — Им нужна девочка. Живой. Наследство должно остаться в нужных руках. Ты — единственный элемент хаоса в их уравнении. Тебя нет в списках частных наемников. Твой ментальный слепок чист, потому что ты только что вылупился из своей скорлупы Архимага. Ты сможешь проложить тропу через

Болота так, как не снилось их штатным чародеям. Проводи нас. До монастыря. Это семьдесят миль прямой линии, которая для других превратится в четыреста миль ловушек.

Она замолчала. Повисла пауза. Слышно было только, как трещат дрова в камине и как тяжело дышит Софья.

Дмитрий смотрел на девушку. Теперь он видел не «бедную сиротку», а загнанного зверька. Под слоями пудры на ее лице проступала мертвенная бледность. Пальцы, сжимающие ткань платья, побелели от напряжения.

Дмитрий медленно откинулся на спинку кресла. Уставший мозг лихорадочно перема- лывал информацию. Предательство. Политика. Огромные деньги. Смерть. Все то, от чего он пытался сбежать в свою меланхолию и дешевый грог.

— Почему я? — наконец спросил он. — В столице десятки мастеров-эфирников старше и опытнее меня. Некоторые из них работают на вашу знать десятилетиями.

— Потому что они известны, — ответила вместо Валерии Аглая, возвращая себе инициативу. Голос ее снова стал бархатным, но сталь под бархатом ощущалась физически. — А их лояльность измеряется весом кошелька заказчика. Твоя же лояльность, архимаг, сейчас равна нулю. Ты никому ничего не должен. Кроме, пожалуй, собственного страха. Расскажи мне, страшно ли тебе нести ответственность за жизнь человека? — Она кивнула на Софью. — Страшнее, чем держать в руках ядро нестабильного портала?

Дмитрий посмотрел на Софью. Та смотрела на него с отчаянной, почти религиозной надеждой.

Затем он посмотрел на Аглаю. На ее красивую шею, на пульсирующую вену, на идеальный профиль убийцы. — Нет, — честно ответил он. — Ответственность меня не пугает. Меня пугает ваша уверенность в том, что я соглашусь.

Он встал. На этот раз никто его не остановил. Валерия лишь слегка наклонила голову, признавая его право уйти. Лана разочарованно щелкнула пальцами. Аглая прикусила губу, впервые потеряв маску всезнающей соблазнительницы.

Дмитрий поправил на плече ремешок тубуса. — Мне жаль, дамы. Ваша история достойна баллады. Надеюсь, вы доберетесь до своего монастыря. А теперь прошу меня простить. Моя собственная кровать, пусть и в одиночестве, звучит сейчас привлекательнее любых сокровищ Хрустальных Болот.

Он развернулся и пошел к выходу. Сердце колотилось где-то в горле. Это было безумие. Чистое самоубийство — отказывать людям с такими деньгами и такими проблемами. Завтра его имя могут внести в списки неблагонадежных. За ним могут прийти люди в серых плащах.

Его рука уже коснулась тяжелой дверной ручки, когда сзади раздался тихий, рвущий душу звук.

Всхлип.

Не театральный, громкий плач избалованной барышни. А короткий, сдавленный звук лопнувшей струны.

Дмитрий обернулся.

Софья больше не пыталась держать лицо. Она закрыла его ладонями, и ее худенькие плечи мелко затряслись. Лана раздраженно отвернулась, доставая зеркальце. Аглая смотрела в стол, играя желваками. И только Валерия продолжала смотреть на него своими прозрачными, холодными глазами. Но в самой их глубине, на самом дне, Дмитрий впервые заметил нечто новое.

Отчаяние.

— Семьдесят миль, — повторила Валерия, не повышая голоса. — Три дня пути. Половина суммы авансом прямо сейчас. Вторая половина — когда передадим девочку настоятельнице. Тебе даже не придется использовать боевую магию. Просто веди. Мы сделаем всю грязную работу сами.

Дмитрий медленно отпустил ручку двери. Холод металла еще обжигал пальцы. Дождь снаружи продолжал свой монотонный рекем по спокойной жизни.

Он вернулся. Не к столу. Он обошел его, подошел к Софье и присел на корточки перед ее стулом, чтобы заглянуть ей в лицо. Девушка испуганно отняла руки от лица. Нос покраснел, веки опули. Совсем ребенок.

— Послушайте меня внимательно, — сказал Дмитрий, обращаясь ко всем, но глядя только на нее. — Я не герой. Я устал, хочу спать и ненавижу сюрпризы. Если я в это вяжусь, правил не будет. Если начнется заварушка, бегите. Если нас поймают, отрекайтесь от меня. Я проведу вас через Болота, но взамен требую абсолютного подчинения. Один приказ — «замри», и вы превращаетесь в камень. Один приказ — «беги», и вы несетесь сломя голову, даже если у вас оторвало ногу. Ясно?

Софья часто-часто закивала, смаргивая слезы.

Дмитрий поднялся. Он чувствовал на себе четыре сверлящих взгляда. — Грога, — бросил он проходящему мимо хозяину таверны. — Бутылку. Самого крепкого. Похоже, моему лимиту социальной активности требуется серьезное пополнение.

Он вернулся в свое кресло. Кожаное сиденье приняло его с тихим скрипом, окончательно приняв новую реальность.

Ливень за окном внезапно усилился, превратившись в настоящий водопад. Видимость упала до нуля. Старый город исчез за белой пеленой.

Дмитрий открыл свой тубус, достал оттуда новенький диплом Архимага, подержал его в руках секунду и аккуратно положил на край стола текстом вниз.

— Рассказывайте детали маршрута, — сказал он, беря протянутую бутылку. — Выходим через час. Как только я допью это и вспомню базовые узлы силовых линий болотистой местности. И да, Валерия... зовите меня Дмитрий. Титул сегодня остался под дождем.

Валерия позволила себе тень улыбки уголком губ. Впервые за весь вечер. — Хорошо, Дмитрий. Меня зовут Вера. А теперь слушайте внимательно. Первая точка перехода находится в трех милях отсюда, на старом кладбище кораблей...

Роковой ливень отсек его от прошлой жизни. Неверный столик, выбранный ради одиночества, стал точкой сборки новой партии. Партии, где ставка была выше, чем звание Архимага. Партия началась.

Глава 2. Стихийное бедствие по имени «Дамы»

Старый контрабандист, хозяин таверны, оказался человеком понимающим и расторопным. Пока Дмитрий пытался заново собрать свой рассыпавшийся в прах план побега, на их столе материализовалась запотевшая глиняная бутылка объемом не менее двух литров, три чистых бокала с толстым дном и блюдо с маринованными огурцами, пахнущими укропом так ярко, что перебивало даже духи Аглаи.

— Огурцы за счет заведения, — буркнул трактирщик, сгребая со стола мокрые империлы. — И плащ запасной дам. Тот шелк после Хрустальных Болот только собакам стелить.

Дмитрий отсалютовал ему кружкой. Этот человек понимал суть вещей лучше, чем вся приемная комиссия Академии вместе взятая.

Вера (Валерия) дождалась, пока шаги хозяина затихнут в сторону кухни, и положила на стол карту. Обычную, бумажную, купленную явно в лавке для извозчиков — истрепанную на сгибах, с кофейными пятнами. Для мага ее уровня носить такую было все равно что Архимагу точить ножи о базальтовый пол тронного зала. Это был первый тревожный сигнал: они действительно бежали, бросив всё имущество.

— Мы здесь, — Вера постучала ухоженным ногтем по окраине столицы. — Монастырь Белой Розы находится вот тут, у подножия Мертвых Клыков. Прямая линия через Болота — семьдесят миль. Реальный путь пешком или верхом — четыреста пятьдесят, две недели пути через четыре таможенные заставы. У нас нет двух недель, Дмитрий. Нас будут ждать на каждой заставе уже к утру.

— Кто именно будет ждать? — спросил Дмитрий, разливая гог по кружкам. Жидкость была черной, как смола, и густой. Он подвинул одну Софье. Девушка судорожно вцепилась в нее обеими руками, словно это был спасательный круг. Пальцы у нее дрожали.

— Барон Востригов, — ровным голосом ответила Вера. — Дальний родственник покойного графа Борецкого. Считает наследство Софьи своим законным приданым для вступления в Малый Совет. А поскольку граф умер без официального завещания, заверенного Коронай... — То девочка должна исчезнуть до того, как канцелярия начнет разбирательство, — закончил за нее Дмитрий. — Понятно. Классика. Убрать наследника, подделать документы, жениться на капитале. Почему вы просто не обратились в Тайную Канцелярию?

Аглая фырнула. Она сидела слишком близко, практически касаясь его плеча своим. Тепло чужого тела сквозь влажную рубашку ощущалось почти неприлично навязчивым. — Потому что половина Тайной Канцелярии скуплена бароном еще десять лет назад, — сказала она, отбирая у Дмитрия бутылку и сноровисто разливая напиток себе и подругам. Ее движения были плавными, гипнотическими, как у готовящейся к броску змеи. — Дорогуша, ты бы пил быстрее. От твоей скорби лицо становится похожим на маску некроманта. Нам нужно выезжать сейчас, пока ливень скрывает следы ауры.

— Я никуда не поеду в такой дождь, — отрезал Дмитрий. — Во-первых, нулевая видимость. Во-вторых, мои щиты сожрут четверть резерва только на защиту от воды. В-третьих, мне нужно переодеться. Идти в Академию за вещами нельзя — там наверняка дежурят люди барона. Значит, мы идем ко мне домой.

Миранда, которую он мысленно окрестил «ветреной», резко вскинула голову. До этого момента она увлеченно изучала свои идеально отполированные ногти, но теперь ее голубые глаза блеснули азартом. — К тебе домой? О! Там есть ванна? Настоящая чугунная лохань с горячей водой? Я чувствую себя куском размокшей лепешки. Если мой корсет заржавеет, Лана меня убьет. Кстати, давайте наконец познакомимся нормально, а то неловко. Меня зовут Миранда. Магистр аэротургии. Специализация — высокоскоростные потоки и разведка погоды. Проще говоря, если кто-то испортит воздух, я об этом узнаю первой.

Она протянула руку через стол. Дмитрий машинально пожал ее. Ладонь у Миранды была сухой, прохладной и странно легкой, лишенной мышечной массы. Воздушники всегда такие — полупрозрачные, быстрые, существующие где-то между землей и небом.

— Клара, — представилась брюнетка, не меняя позы каменной горгульи. Она лишь чуть склонила голову. — Геомант. Мастер структурных искажений. Если нам придется уходить через канализацию или проваливаться сквозь землю, обращайтесь. Но учтите, архимаг, моя стихия плохо сочетается с вашей спешкой. Земля любит основательность.

Ева, та самая загадочная девушка в чернобурках, тихо сидевшая в тени, едва заметно кивнула. Свет от камина упал на ее лицо, и Дмитрию показалось, что черты его на мгновение поплыли, смазались, чтобы через секунду снова стать четкими. — Иллюзии, — прошелестела она. Голос у нее был тихий, но обладал странным свойством проникать прямо в височную долю, минуя уши. — Массовые, индивидуальные, сенсорные. Я делаю так, чтобы нас не видели те, кому видеть не положено.

— А это наша драгоценная потеря, — Аглая покровительственно обняла Софью за плечи. Девочка вздрогнула, но не отстранилась, ища защиты. — Софья. Маг жизни. Очень слабый, очень пугливый, но потенциально бесценный. Если правильно обучить. — Я целитель первого круга, — пискнула Софья, пытаясь поправить съехавшую набок шляпку. — Я могу остановить кровь и снять лихорадку. Большого дедушка... покойный дедушка запретил.

— Запреты созданы для того, чтобы их нарушать, дорогая, — мурлыкнула Аглая, глядя девушку по волосам. Взгляд, которым она одарила при этом Дмитрия, говорил яснее любых слов: *«Видишь этот ресурс? Он будет моим»*.

Дмитрий почувствовал, как начинает болеть голова. Одно дело — вести караван через проклятые топи. Другое — быть нянькой для пантеона разбалованных богинь стихий. — Итак, подведем итог, — сказал он, делая большой глоток. Грог огнем прокатился по пищеводу, выжигая остатки дипломатии. — У меня огненная кафедра. Специализация — плазма, термическая деструкция и управление температурными градиентами. Я могу испарить эти Болота к демонам, но тогда мы сваримся заживо. Я согласен провести вас. Но правила устанавливаю я. Правило первое: никакой магии вне боевого контакта без моего приказа. Ваши стихии конфликтуют друг с другом сильнее, чем кошки в тесной корзине. Одна искра Клары в лужу Аглаи, и мы получим гейзер кипятка прямо в лицо.

— Конфликтуют? — Аглая театрально прижала ладонь к груди. — Милый мой мальчик, Огонь и Вода — это самый древний, страстный и продуктивный союз во вселенной! Пар движет кораблями Империи. Кипяток очищает раны. Ты когда-нибудь видел северное сияние над ледниками? Контраст пламени и льда рождает истинную красоту. Мы будем великолепно дополнять друг друга.

Она придвинулась еще ближе. Теперь Дмитрий чувствовал тонкий аромат ее кожи — смесь озона после грозы и дорогих восточных масел. — Аглая, дыши в другую сторону, — ровно попросил он. — У меня мантия сохнет на теле, я хочу сохранить хотя бы иллюзию личного пространства до выхода на улицу.

— Как скажешь, милый, — легко согласилась она, но ногу свою с его колена так и не убрала. Напротив, начала слегка поглаживать голенище его сапога кончиками пальцев. — Я просто хотела сказать, что твоя аура... она восхитительна. Такой контроль плотности. Обычно огневики нашего ранга похожи на ходячие лесные пожары — шумные, грязные и непредсказуемые. А ты... ты сжатый паровой котел. Сколько ступеней сжатия ядра? Три? Четыре?

Вопрос застал Дмитрия врасплох. Никто, кроме наставников, никогда не спрашивал его о структуре ядра напрямую. Это считалось интимнее вопросов о количестве любовниц. — Четвертая ступень кристаллизации, — сухо ответил он. — Стандарт для высшей категории допуска.

— Ой, да брось! — фыркнула Миранда, закидывая в рот оливку. — Какой стандарт? Твоя четвертая ступень звучит как колокол в соборе. Когда ты вошел в зал, у Ланы чашка лопнула. Мы чувствуем плотность. Ты же монолит. Башня из чистого обсидиана. С тобой можно пережить конец света, если вовремя прятаться за спину.

Клара тяжело вздохнула, звук напоминал осыпавшийся щебень. — Плотность — это хорошо, — прогудела она. — Но проблема в массе. Архимаг весит как хороший боевой голем. Если почва под нами в Болотах станет зыбкой, я смогу создать твердую тропу шагов на двадцать. Потом начнется резонанс вибраций. Если твой вес превысит критическую отметку на нестабильном грунте, плита уйдет вниз. Ты знаешь формулу расчета давления на тектонический разлом третьей степени?

Дмитрий посмотрел на Клару. Впервые за вечер кто-то заговорил на языке, который требовал включения мозга, а не социальных рефлексов. — Зависит от влажности субстрата и угла наклона пластов, — автоматически отозвался он. — При коэффициенте вязкости выше четырех единиц стандартный геомантический щит проседает. Нужно использовать плетение «Паутина карста» с вплетением воздушных пустот. Но для этого нужен сильный воздушник. Миранда, твои потроха хватит на создание воздушной подушки под группой весом в полтонны на протяжении десяти часов?

Миранда подавилась оливкой. Она закашлялась, покраснев так, что даже пудра не скрыла румянец. — Десять часов непрерывного левитирования точечной группы? — прохрипела она. — Да я сдохну на втором часу! Мой предел — короткие рывки. Поддерживать плотную подушку... разве что если Ева поделится резервом через связку.

Ева медленно повернула голову. Иллюзия вокруг ее лица снова дрогнула, на миг обнажив нечто хищное, птичье, с неестественно яркими радужками. — Резервуар пуст наполовину, — сообщила она. — Связка заберет еще пятнадцать процентов. На группу не хватит. Только на носилки для груза.

— Я не груз! — возмутилась Софья. — И я пойду сама! — Конечно, пойдешь, ласточка, — проворковала Аглая, возвращая внимание к Дмитрию. — Видишь, Дим? Проблемы сыплются одна за другой. Тяжелый огневик давит почву. Легкомысленная аэротургистка падает в обморок от усталости. Иллюзионист экономит силы. Остаемся мы с тобой. Моя вода может смягчить тряску, но без твоего огня мы замерзнем в этих туманах. Температура в Центре Болот ночью падает ниже нуля. Нужен постоянный тепловой контур радиусом в пять метров. Ты сможешь держать пассивное отопление периметра?

Дмитрий потерял переносицу. План сбежать рухнул окончательно. Эти женщины препариовали его магический профиль точнее, чем патологоанатом. Они уже распределили роли, рассчитали нагрузки и вписали его в свои схемы. Его сопротивление выглядело жалким трепыханием мухи в паутине, которая плелась годами.

— Смогу, — сдался он. — Но это потребует жора. Мне нужна еда. Много еды. Жирное мясо, хлеб, сахар. Раз в два часа. Иначе я свалюсь в истощение, и ваш труп найдут весной охотники на болотных жаб.

— Организуем, — кивнула Вера. Она свернула карту и убрала ее в сумку. — Выдвигаемся через сорок минут. За это время вам всем нужно привести себя в порядок. Дмитрий, води.

Ливень снаружи превратился в сплошную стену. Капли били по брусчатке с такой силой, что казалось, будто камни крошатся. Дмитрий активировал малый конструкт «Купол». Над их маленькой процессией вспыхнул прозрачный пузырь теплого воздуха, отталкивающий воду.

Идти пришлось гуськом. Впереди Дмитрий, держа структуру купола. За ним, стараясь попадать точно в его следы — Клара, чьи тяжелые шаги глухо отдавались в мостовой. Затем шла бледная, спотыкающаяся Софья, которую буквально волокла под локоть Ева. Процессию замыкали Миранда и Аглая.

Аглая, конечно же, умудрилась идти так, что постоянно задевала Дмитрия плечом или бедром. — Знаешь, — перебивая шум дождя, начала она, — я ведь сразу поняла, что ты особенный. Еще когда ты сидел в том углу, темный, как грозовая туча. Все остальные мужики в подобных заведениях смотрят либо на вырез, либо на кошелек. А ты смотрел на капли на стекле. С какой-то... гастрономической ненавистью. Будто они лично оскорбили твою мать. Это так аристократично.

— Я смотрел на них, потому что считал скорость падения, чтобы рассчитать мощность отводящего канала крыши, — огрызнулся Дмитрий. — Чтобы понять, затопит ли переулок, через который нам идти.

— Вот! — торжествуя воскликнула она. — Практичный подход к красоте мира. Я знала! Мы родственные души. Я тоже считаю углы преломления света в винном бокале перед первым глотком. Эстетика физики. Обожаю.

Они вышли на площадь Старого Форума. Здесь ветер гулял беспрепятственно. Купол Дмитрия протестуя загудел, принимая на себя удар бокового порыва. Дмитрий стиснул зубы, чувствуя, как по спине пополз липкий холодок отката — первые признаки расхода энергии.

— Налево, — скомандовал он. — Переулок Гончаров. Там меньше открытых пространств.

Переулок встретил их вонью гниющего мусора и абсолютной темнотой. Фонари здесь давно перебили хулиганы. Дмитрий усилил свечение краев своего купола, превратив его в тусклый фиолетовый фонарь.

— Как романтично, — промурлыкала Аглая, прижимаясь к нему плотнее. Темнота развязывала ей руки. — Только ты, я, смерть в грязи под ногами и перспектива пневмонии. Скажи, архимаг, а правда, что огневики в постели горячие, как доменные печи?

— Аглая, — голос Веры из хвоста колонны прозвучал как щелчок взводимого курка. — Закрой рот. Ты шумишь громче, чем отряд городской стражи. Если бароновы ищейки нас услышат, жарко будет тебе исключительно в котле для пыток.

Аглая надула губы, но отстала. На целых тридцать секунд. Ровно до тех пор, пока они не уперлись в тупик. Старый доходный дом, в котором снимал комнату Дмитрий, стоял мрачной скалой. Подъездная дверь висела на одной петле, источая запах кошачьей мочи и кислой капусты.

— Божественно, — прокомментировала Мирандра, зажимая нос кружевным платочком. — Надеюсь, внутри хотя бы крысы сытые и не кидаются на людей?

— Крысы ушли неделю назад, когда сосед сверху попытался призвать мелкого беса для игры в карты, — спокойно ответил Дмитрий. — Бес выиграл квартиру и съел проигравшего. Так что жилье юридически свободно.

Лана громко, заливисто расхохоталась. Звук эхом отразился от сырых стен, заставив витражное окно на третьем этаже жалобно звякнуть. — Демоны, крысы, съеденные соседи! — воскликнула она. — А я думала, академическая элита живет в башнях из слоновой кости! Дима, ты мне нравишься все больше. Признавайся, ты специально сел в той таверне в самом дальнем углу, чтобы спрятаться от таких, как мы?

— Я сел туда, чтобы спрятаться от всех, — Дмитрий толкнул тяжелую створку двери подъезда плечом. Внутри пахло сыростью и запустением. Деревянная лестница уходила во мрак, отчаянно скрипя при каждом дуновении сквозняка. — По лестнице осторожно. Третья ступень снизу проломлена. Я обычно прыгаю.

Женщины замерли внизу, глядя вверх, в черный провал лестницы. Перспектива лезть в темноте по аварийной лестнице в платяг стоимостью в годовое жалование гвардейца их не прельщала. — Может, портал? — робко предложила Софья.

— Куда? — устало обернулся Дмитрий. — В мою гостиную? Портальная арка требует стационарных координат. Я не ставил маяков в этой дыре, потому что не планировал приводить сюда магистров стихий. Если прыгну вслепую, рискую впечатать тебя в несущую стену. Или в потолок. Учитывая массу моей ауры, мы можем пробить перекрытия вплоть до подвала. Пойдем ногами. Это безопасно.

Первой пошла Клара. Каменная уверенность позволяла ей игнорировать треск дерева. Она поднималась тяжело, но надежно, проверяя каждую доску носком сапога. За ней, подсвечивая себе дорогу крошечным светящимся шариком на кончике пальца, двинулась Ева.

Софья подняла на Дмитрия огромные глаза. — Вы... вы правда жили здесь? После экзамена? — Экзамен вытягивает ману похлеще чумы, — пояснил Дмитрий, предлагая девушке руку. — Телепортироваться в таком состоянии — самоубийство. Пришлось идти пешком. Это всего три квартала.

Он помог Софье подняться на пролет. Девочка оказалась неожиданно тяжелой — видимо, сказывался стресс, превращающий мышцы в камень.

Когда они наконец выбрались на площадку третьего этажа, Дмитрий достал ключ. Не медный, зачарованный, какие выдавали преподавателям, а обычный, железный, стертый почти до состояния проволоки. Замок долго сопротивлялся, визжа проржавевшими внутренностями, но в итоге сдался.

Комната встретила их тишиной и пылью. Единственное узкое окно выходило во внутренний колодец двора, поэтому здесь царил вечный сумрак. Узкая койка, заправленная тонким шерстяным одеялом. Стол, заваленный чертежами порталных переходов. Шкаф. Два стула. Потрескивающая лейка душа в углу, отгороженная лишь дырявой ширмой.

— Спартански, — вынесла вердикт Лана, брезгливо приподнимая край одеяла двумя пальцами. — Тут водятся блохи? Я требую компенсации морального вреда. — Блохи съели предыдущего жильца вместе с тапочками, — Дмитрий бросил свой тубус на стол. — Располагайтесь. Мест мало. Кровать одна. Пол твердый. Можете спать вповалку, можете по очереди. Мне все равно, лишь бы вы молчали, пока я собираю вещи.

Началась суета, которую язык не поворачивался назвать «сборами». Для женщин, привыкших к гардеробным размером с бальную залу, комната Дмитрия стала камерой пыток.

Миранда первым делом распахнула окно, впуская внутрь водопад. — Фу, спертый воздух! — объявила она и села на подоконник, болтая ногами. — Дима, посмотри на мои волосы. Они похожи на гнездо мокрого воробья. У тебя есть зеркало? Нормальное, не металлическое, оно искажает пропорции носа.

Клара методично простукивала стены. — Несущие опоры сухие, — докладывала она куда-то в пространство. — Фундамент тянет влагу из выгребной ямы снизу, но сегодня выдержит. Пол не провалится. Наверное.

Ева молча скользнула в угол и села на пол, подобрав колени. Она закрыла глаза. Дмитрий кожей ощутил изменение плотности эфира — иллюзионистка выстраивала сеть сканирования улицы. Умно. Пока остальные трещали, как сороки, она работала.

Софья просто забилась в угол между шкафом и стеной, обхватив себя руками. Она старалась занимать как можно меньше места, словно извиняясь за свое существование.

А Аглая... Аглая занялась самым страшным. Социальной инженерией. Она подошла к столу Дмитрия и бесцеремонно разворошила стопку его чертежей. — О, расчеты вектора выброса плазмы, — делано восхитилась она. — Как скучно. Никакой поэзии. Знаешь, почему ты живешь в такой дыре? Потому что ты не умеешь наслаждаться процессом. Жизнь — это не конечная точка маршрута. Жизнь — это качество ткани, которая касается кожи. Посмотри на себя.

Она вдруг оказалась вплотную. Дмитрий даже не заметил, как она пересекла разделявшее их расстояние. — Мокрая тряпка, — прошептала она ему на ухо, обдав шею горячим дыханием. — Позволь мне. Хотя бы в качестве благодарности за спасение утопающих.

Прежде чем он успел отстраниться, Аглая положила ладони ему на грудь. Пространство между ними мгновенно нагрелось. Это не было фаерболом или струей пламени. Это было мягкое, проникающее тепло биомага-целителя, работающего с потоками крови. Жар пополз по коже, высушивая рубашку. Пар взвился легким облачком.

Дмитрий замер. Прикосновение чужой магии всегда ощущается интимно, особенно когда она направлена на твою кожу. Тепло Аглаи было настойчивым, исследующим. Оно не просто сушило ткань — оно массировало уставшие мышцы, снимало спазмы с шеи, прогоняло озноб. — Что ты делаешь? — хрипло спросил он. — Оказываю первую помощь государственному имуществу, — усмехнулась она. Ее пальцы переместились на его плечи, продолжая прогревать. — У тебя зажаты трапеции. Ты слишком много времени проводишь, сгорбившись над расчетами. Это приведет к грыже шейного отдела годам к тридцати. Разве такому сильному магу пристало ходить буквой «Г»?

— Отпусти, — потребовал он, но тело предательски расслаблялось под ее руками. Тепло было чертовски приятным. — Сначала пообещай мне горячую ванну, — потребовала она. — И нормальный ужин. Мясо. С кровью. Тебе нужно восстанавливать гемоглобин после такого расхода маны. Ты белый как стена.

В этот момент со стороны окна раздался громкий, презрительный смех Ланы. — Аглая, прекрати его лапать! Ты же видишь, он сейчас заснет стоя. Боевое истощение — это не афродизиаки, душечка. Лучше скажи, мы вообще поместимся в его сундук? Я не намерена ехать в монастырь в мятном муслине, меня перестанут пускать в приличные дома!

Чары рассеялись. Дмитрий встряхнулся, отступая от Аглаи. Сердце колотилось слишком быстро. Проклятье. Она манипулировала им даже через бытовой согревающий импульс. — Ванны нет, — отрезал он, отворачиваясь к шкафу. — Есть таз и кипяченая вода из чайника. Лейся. Переодевайтесь. Быстро. Берите самое теплое и немаркое. Шелк оставьте здесь, он выдаст нас звуком шагов.

Пока дамы с визгом и взаимными упреками пытались поделить полки в его крошечном шкафу, Дмитрий подошел к своей кровати и поднял половицу. Из тайника он извлек тяжелый кожаный пояс с набором метательных кинжалов, пару защитных амулетов, которые берег для настоящей войны, и плоскую серебряную фляжку.

— Эй, огневик! — окликнула его Клара, прервав копошение в белье. — Какова максимальная температура твоего автономного источника? Без привязки к атмосфере. — Около трех тысяч градусов по Цельсию в эпицентре, — не оборачиваясь, ответил Дмитрий, свинчивая крышку фляжки. — Плавлю легированную сталь. Зачем спрашиваешь? — Хочу знать, стоит ли мне уплотнять грунт под нашими ногами до состояния базальта, или твой тепловой след сам пропечет тропу так, что Болото превратится в стекло, — буднично пояснила геомантка. — Если будешь выдавать факел чаще раза в час, предупредишь. Я не хочу, чтобы мои конструкты пошли трещинами от перепада температур.

Дмитрий сделал большой глоток из фляжки. Крепкий травяной настой обжег горло, разгоняя туман усталости, оставленный прикосновениями Аглаи. — Базальт пойдет трещинами в любом случае, если глубина зыби больше пяти футов, — сказал он. — Держи тропу толщиной в локоть. Я буду идти, создавая перед собой зону перегретого воздуха. Туман будет оседать инеем по бокам. Главное — не дай Софье наступить мимо. Кислота в этих лужах разъедает сапоги за минуту.

Софья, слышавшая это, тихо ойкнула из своего угла. Вера, проходя мимо с охапкой мужских рубаш Дмитриия (своего размера она не нашла), ободряюще похлопала девочку по плечу.

— Не слушай их, они любят драматизировать. Просто смотри под ноги. Дмитрий вытащит нас из любой дыры. Буквально.

Наконец сборы завершились. Картина, открывшаяся Дмитрию, могла бы служить иллюстрацией к концу света. Четыре герцогини, каждая из которых стоила целое состояние, стояли посреди его нищей комнаты, одетые в его старые преподавательские сюртуки, штаны для верховой езды и тяжелые походные ботинки.

Миранда закатала рукава так высоко, что стали видны тонкие, изящные запястья. Ботинки она зашнуровала кое-как. — Надеюсь, эта обувь не вызовет у меня грибок, — брезгливо произнесла она. — Я чувствую себя дочерью угольщика. — Ты прекрасно смотришься, — мурлыкнула Аглая. Сама она надела одно из немногих женских платьев, которое Дмитрий зачем-то хранил в шкафу — простое льняное платье служанки, темно-серое и неприметное. На фоне своих спутниц она выглядела самой обычной крестьянкой, если бы не осанка королевы в изгнании и огромный бирманский охотничий нож, который она небрежно заткнула за голенище сапога.

— Время, — скомандовала Вера. Она единственная осталась в своем дорожном костюме, лишь накинула сверху тяжелый мужской плащ Дмитрия. — Дмитрий, статус периметра.

Ева открыла глаза. — Улица чиста. Следов погони нет. Но патруль стражи пройдет через перекресток через восемь минут. У нас один выход — через крышу. Соседнее здание ниже на этаж, я создам иллюзию глухой стены на месте перехода.

— Через крышу? — простонала Лана. — Я сломаю каблук! То есть... каблук Дмитрия. Это трагедия государственного масштаба! — Полезешь на руках, — отрезала Клара. — Аэро-тургистка, открой вентиляционный люк. Только тихо.

Дмитрий подошел к Софье. Девочка куталась в огромную для нее куртку, воротник которой закрывал ей половину лица. — Боишься? — спросил он. — Очень, — честно призналась она, шмыгнув носом. — Вы... вы ведь не отдадите меня им? Даже если они предложат вам золото? Говорят, некоторые маги берут плату жизнями.

Дмитрий присел перед ней на корточки, чтобы смотреть глаза в глаза. Он снял с шеи тонкую цепочку, на которой висел маленький, теплый на ощупь кристалл-накопитель. — Возьми, — он вложил камень в ее ладонь. — Сожми, если станет страшно. Он пульсирует в такт моему сердцу. Пока ты его чувствуешь — я рядом. А теперь запомни главное правило выживания: страх сжигает кислород. Делай то, что говорю я. Сразу. Без вопросов. Поняла?

Софья крепко сжала кристалл в кулаке. В ее глазах появилась решимость, которой там не было в таверне. — Поняла, — шепнула она.

— Отлично, — Дмитрий выпрямился. Боль в мышцах после резкого движения напомнила о себе, но он задавил ее волевым импульсом. — Всем проверить оружие. Сумки закрепить так, чтобы не болтались. Лана, если уронишь хоть одну шпильку на крышу, я скину тебя следом. Вперед.

Первым к слуховому окну подошел Дмитрий. Ливень снаружи немного ослаб, перейдя в мерзкую морось, но ветер стал еще холоднее. Город лежал внизу серой, промокшей массой огней.

Дмитрий подтянулся, вылез на наклонную черепичную кровлю. Черепица была скользкой от слизи и влаги. Один неверный шаг — и полет до мостовой займет секунды три. Достаточно, чтобы сплести защитное поле, но недостаточно, чтобы спасти от переломов.

Он закрепил страховочный трос — простую, но прочную бечевку с крюком — и сбросил конец в комнату. — Первой идет Клара. Ты самая тяжелая. Если крыша выдержит тебя, выдержит остальных.

Геомантка без лишних слов приняла веревку. Несмотря на кажущуюся неповоротливость, по канату она влезла с грацией профессионального грузчика. Выбравшись на крышу, она

тут же опустилась на колени и прижала ладони к мокрой черепице. — Держится, — прокричала она против ветра. — Но восточный скат опасен, там прогнили стропила. Идите по коньку.

Следующей пошла Ева. Она двигалась совершенно беззвучно, ее фигура казалась плоской, двумерной, сливающейся с тенями. Оказавшись наверху, она немедленно растворилась в воздухе. Дмитрий видел лишь легкое искажение перспективы там, где она стояла.

Затем настала очередь дам. Миранда выскочила из окна птицей, оттолкнувшись так сильно, что рама затрещала. Приземлившись, она поскользнулась, взвизгнула, замахала руками, но удержала баланс, вцепившись в плечо идущей впереди Клары. — Демоны ада! — выдохнула она. — Я ненавижу физику! Почему никто не изобрел ковры-самолеты?!

Аглая выбралась последней, придерживая юбку импровизированного платья зубами. Она помогла выбраться Лане, которая шипела проклятия на портных, архитекторов и саму концепцию гравитации. Последней на крышу подняли Софью. Девочка ползла медленно, цепляясь за веревку побелевшими пальцами, ее всю трясло. Дмитрий спустился обратно в комнату, подхватил ее под мышки и буквально выпихнул на свежий воздух, как тюк с бельем.

Через пять минут вся группа лежала животами на гребне крыши, переводя дыхание. Дмитрий активировал ночное зрение. Мир окрасился в оттенки глубокой сепии. Впереди, через пропасть переулка шириной в полтора человеческих роста, возвышалась крыша склада готовой продукции бумажной фабрики.

— Прыжок оттуда, — Дмитрий указал рукой. — Расстояние — двенадцать ярдов. Поверхность покатая. Приземляемся на четвереньки, группируемся. Кто боится высоты — не смотрите вниз. Эфирникам смотреть вниз вообще противопоказано, центробежная сила дурно влияет на вестибулярный аппарат.

— Я первая, — заявила Вера. Она отошла на несколько шагов для разгона. — Покажи точку приземления.

Дмитрий высек пальцем маленькую оранжевую искру на краю дальнего ската. Вера разбежалась. Дмитрий ожидал увидеть неуклюжий прыжок, но глава беглянок взвилась в воздух с легкостью кузнечика. Черный плащ хлопнул за ее спиной, как крылья. Она перелетела провал, приземлилась точно в указанную точку и тут же ушла в перекат гася инерцию. Идеально.

— Следующая! — крикнула она.

Полетели все. Миранда перемахнула расстояние играючи, используя легкий встречный порыв ветра как трамплин. Клара просто шагнула в пустоту, предварительно создав под собой короткий каменный мост, который рассыпался в пыль сразу после того, как ее тяжелые ботинки коснулись вражеской территории. Аглая прыгнула элегантно, словно балерина, и повисла на руках на краю кровли, прежде чем подтянуться — чистый показательный шик.

Лана визжала всю траекторию полета. Громко, мелодично и очень выразительно. Казалось, она репетирует партию главной героини в опере «Гибель падшего ангела».

Настала очередь Софьи. Девочка посмотрела вниз, в черную, мокрую пасть переулка, и ее губы затряслись. — Я не могу, — прошептала она. — Я разобьюсь.

Дмитрий подошел к ней сзади. Положил руки ей на талию. — Можешь, — сказал он спокойно. — Расслабься полностью. Стань ватной. Представь, что ты перышко. Я швырну тебя. Ты ничего не почувствуешь, кроме легкого толчка. Поняла? Ни о чем не думай. Думать буду я.

Он примерился. Расчет траектории, учет ветра, поправки на массу. Простая физика второго курса. — Готова? — Д-да.

Дмитрий глубоко вдохнул. Накопленное за день напряжение начало трансформироваться в чистую кинетическую энергию. Он качнул Софью на руках, как маятник, раскручивая вектор, и в нужный момент просто отпустил, добавив мощный импульс телекинеза под стопы.

Тело девочки взмыло в воздух черной птицей. Она летела абсолютно безвольно, как кукла. Пятнадцать ярдов пустоты. Всплеск адреналина ударил Дмитрию в голову. На секунду ему показалось, что он ошибся в расчетах, что порыв ветра отнесет ее в сторону...

Но Софья врезалась в натянутую для сушки белья веревку на противоположной крыше, перевалилась через нее кубарем и замерла неподвижной кучкой у самого края. Жива.

— Принята! — донесся голос Веры.

Дмитрий остался один. Он посмотрел на оставшихся спутников. Лана смотрела на него огромными глазами, в которых плескался ужас. — А ты? — пискнула она. — Ты же самый тяжелый! Крыша склада может не выдержать твоего прямого падения!

— Поэтому я не буду падать прямо, — Дмитрий улыбнулся краем губ. Это была неприятная, острая улыбка человека, которому надоело сдерживать силу.

Он не побежал. Он позволил силе течь. Ноги сами приняли нужную стойку. Дмитрий закрыл глаза, отпуская поводья контроля. Огонь рвался наружу. Ему было тесно в человеческом теле, тесно в мокрой рубашке, тесно в рамках городского устава.

Он оттолкнулся. Это не был прыжок. Это был взрыв. Струя ревущего синеватого пламени ударила из-под его подошв в мокрую черепицу. Черепица испарилась, не долетев до земли. Дмитрия подбросило вверх и вперед, как снаряд из катапульты. Огненный росчерк перечеркнул ночь. Волна жара пронеслась по улице, заставив зазвенеть стекла в домах. Где-то внизу истошно залаяли собаки.

Приземление вышло жестким. Он не успел полностью погасить горизонтальную скорость. Сапоги проломили подгнивший деревянный настил склада, и Дмитрий ушел по колено в древесную труху и мешки с опилками.

Сверху раздался дружный женский вопль: — ПСИХ!

Дмитрий выбрался из дыры, отряхиваясь. Опилки путались в волосах, дым от сгоревшей обуви ел глаза. Он чувствовал невероятную, звенящую легкость. Энергия кипела в венах, вымывая усталость последних суток. — За мной, — прохрипел он, растирая обожженное предплечье. — Сюда. Склад имеет второй выход на набережную. Там найдем лодку.

Спрыгнувшие следом дамы окружили его. Они смотрели на него совсем другими глазами. Исчезла снисходительность богатых леди. Исчезла игривость Аглаи. Перед ним стояли профессионалки, чудом выжившие в переделке, и оценивали нового лидера отряда.

— Задержка дыхания на старте — минус две секунды скорости, — констатировала Вера, приводя в порядок растрепавшиеся волосы. — Но траектория идеальна. Метка поставлена верно. — Ты мог сжечь нам подошвы, — проворчала Клара, ощупывая свои сапоги. — Хорошо, что я успела заземлить вибрации. — Это было ПОТРЯСАЮЩЕ! — Лана бросилась Дмитрию на шею, едва не повалив его обратно в опилки. — Ты как комета! Как гнев богов! Я чуть не описалась от восторга! — Слезь с меня, женщина, — выдохнул Дмитрий, пытаясь разжать объятия. — У меня ребра болят.

Аглая подошла медленно. В свете луны, пробивающемся сквозь щели в крыше,

Глава 3. Первая попытка побега и «Железная хватка»

Грог в глиняной кружке закончился, оставив на языке терпкую горечь можжевельника. Дмитрий медленно выдохнул сквозь сжатые зубы, чувствуя, как тепло алкоголя отступает под натиском ледяной вежливости Аглаи. Он встал из-за стола одним плавным движением, которое стоило ему заметного усилия — мышцы спины затекли от неудобного кресла и постоянного напряжения.

— Это было познавательно, дамы, — произнес он ровным голосом, застегивая верхнюю пуговицу мокрого воротника. — Однако мой вечерний моцион подошел к концу. Дождь стихает, а мне действительно необходимо сменить одежду, пока я не покрылся плесенью. Благодарю за компанию.

Он сделал шаг назад, намереваясь раствориться в полумраке таверны и выйти через черный ход для прислуги, который заметил еще по пути к столику. План был прост, изящен и абсолютно надежен.

Но его правая нога внезапно отказалась сгибаться дальше первого дюйма.

Дмитрий замер. Ощущение было странным, иррациональным. Словно подошва сапога вдруг срослась с дубовыми досками пола невидимым, но монолитным швом. Он попытался перенести вес на левую ногу, чтобы сделать хотя бы полшаг, но левая тоже оказалась намертво заблокирована.

Он стоял посреди зала, нелепо скособочившись, словно марионетка, у которой обрезали половину нитей. Посетители за соседними столиками этого не заметили — их загораживала широкая спина Клары, которая даже не повернула головы в его сторону, продолжая методично жевать кусок копченой грудинки.

— Сменить одежду? — Аглая картинно прижала ладонь к щеке. В янтарных глазах плясали насмешливые искры. — Какое варварство! Зачем менять то, что можно просто высушить? Миранда, дорогая, будь любезна...

Воздух вокруг Дмитрия пришел в движение. Сначала это был легкий сквозняк, приятно охлаждающий влажную шею. Но спустя секунду этот бриз превратился в плотный, концентрированный поток теплого ветра. Магистр аэротургии сидела вполоборота, лениво помешивая чай серебряной ложечкой, но потоки силы шли именно от нее.

Мокрая ткань рубашки начала сохнуть с пугающей скоростью. Пар пошел вверх клубами. Жар нарастал. Через десять секунд хлопок стал жестким, как пергамент, обжигая кожу. Мантия, напитавшаяся водой, превратилась в негнувшийся панцирь, сковывающий движения рук сильнее любых наручников.

— Достаточно, — процедил Дмитрий. Он активировал внутреннее зрение. Так и есть. От ножек его старого стула вниз, прорастая сквозь щели в рассохшихся половицах, тянулись тонкие, едва светящиеся изумрудные нити магии земли. Они уходили глубоко в фундамент здания, сплетаясь с корнями старой дренажной системы. Клара держала его стул так же легко, как ребенок держит игрушку, но разрушить эту связь голой силой означало обрушить потолок таверны им на головы. Геомант пятого круга шутить не любила.

— Вы пытаетесь уйти, архимаг, — голос Веры прозвучал тихо, но перекрыл тихий гул таверны лучше любого крика. Она отложила салфетку. — Мы находимся в процессе вербовки ключевого специалиста для государственной важности миссии. Уход сейчас будет расценен как отказ от сотрудничества. А отказы нынче стоят очень дорого. Особенно для людей с вашим блестящим будущим.

— Я уже дал ответ, — Дмитрий дернулся снова. Стул протестующе скрипнул, дерево жалобно затрещало, но корни держали мертвой хваткой. — Ответ отрицательный. Пропустите меня.

Лана фыркнула. Она откинулась на спинку своего стула, закинув ногу на ногу так, что шелест ее юбки прозвучал как выстрел. — «Отрицательный» звучит так скучно, Димочка. Скажи лучше: «Я боюсь ответственности». Или: «Мой гардероб важнее спасения сироток». Честность освежает. Кстати, о гардеробе... Ева?

Ева, все это время казавшаяся лишь бледной тенью в углу, шевельнулась. Она подняла руку и щелкнула пальцами. Звук получился сухим, бумажным.

В ту же секунду мир вокруг Дмитрия изменился. Запахи жареного лука и кислого эля исчезли. Грохот посуды на кухне стих. Гомон торговцев отрезало невидимой стеной. Воздух внутри их небольшого квадрата стал стерильным, разреженным, пахнущим озоном и лавандой. Иллюзия звукоизоляции высшего порядка. Теперь они могли кричать друг на друга во весь голос — снаружи их никто не услышит. Более того, любой проходящий мимо официант или случайный посетитель видел лишь четверых дам, чинно пьющих чай, и пустой стул напротив. Сам Дмитрий выпал из восприятия окружающих.

Идеальная ловушка. Звуконепроницаемый купол, прикованный к полу пленник и четыре хищницы, которым больше не нужно играть роли благовоспитанных леди.

— Ты пойдешь с нами, — Вера наклонилась вперед, опираясь локтями о стол. Свет канделябра упал на ее лицо снизу, делая черты резкими, почти жестокими. Хищница сбросила маску чиновницы. — Не потому, что мы тебя заставляем. А потому, что ты — единственный разумный человек в радиусе ста миль. Софья умрет без защиты барона Востригова через неделю. Барон получит доступ к счетам Борецких и купит половину Сената. Империя потеряет честного судью и приобретет коррупционера. Баланс сместится. Твоя драгоценная Академия стоит на золоте таких фондов. Если рухнет экономика севера, твоему ректору нечем будет платить за кристаллы-накопители. Все связано, Дмитрий. И твоя меланхолия — слишком большая роскошь для текущей политической ситуации.

Дмитрий почувствовал, как начинает пульсировать жилка на виске. Холодная ярость поднималась изнутри, выжигая остатки усталости. Он ненавидел, когда лезли в его планы. Ненавидел манипуляции. — Вы переоцениваете мою лояльность империи, — отчеканил он, глядя прямо в прозрачные глаза Веры. — И недооцениваете мое желание поспать. Разрушьте чары Клары. Сейчас же. Иначе я применю силу.

— Огнем по земле в закрытом помещении? — приподняла бровь Клара, впервые поворачиваясь к нему всем корпусом. Ее взгляд был тяжелым, как гранитная плита. — Мальчик, если ты ударишь плазмой в мои узлы, эта таверна сложится внутрь себя, как карточный домик. Погибнут люди. Включая ту милую подавальщицу с родинкой на шее, на которую ты пялился полчаса назад. Хочешь взять грех на душу? Давай. Покажи нам свой знаменитый нрав. Нам нужен огневик с зубами, а не комнатная собачка ректора.

Дмитрий стиснул кулаки. Костяшки побелели. Он мог бы пробить щит Клары точечным импульсом. Мог бы выжечь камень вокруг ножек. Но геомант была права — отдача разнесет заведение. И тогда плакал его диплом, его репутация и его свобода. Телепортироваться отсюда вслепую после такого расхода сил — самоубийство. Он окажется где-нибудь посреди крыши городской тюрьмы.

Дверь кухни со скрипом открылась. Пухлый мальчишка-официант, балансируя огромным медным чайником, направлялся к их столу. Он явно ничего не видел — ни звукового кокона Евы, ни магических пут Дмитрия. Для него картина выглядела идиллически: благородные дамы отдыхают.

— Ваш улун с жасмином, госпожа Валерия, — пропыхтел парень, ставя чайник на специальную подставку. Его взгляд скользнул по Дмитрию, стоявшему в напряженной позе, затем по пустому стулу, потом снова по Дмитрию. Лицо парня дрогнуло. Он узнал Архимага — портреты победителей Академии всегда висели на доске почета в холле ратуши.

Официант сглотнул. В его глазах метнулись ужас понимания и бесконечное сочувствие. Он понял всё: и почему господин Архимаг сидит в таком виде, и почему он не может встать, и кто эти женщины. Парень чуть заметно кивком указал на выход и беззвучно одними губами прошептал: *«Держись, мужик»*.

После чего резко развернулся и почти бегом бросился обратно на кухню, подальше от надвигающейся бури.

Этот молчаливый акт солидарности сломал последнюю подпорку выдержки Дмитрия. Ему сочувствовал половой. Его, боевого мага высшей категории, жалел человек, чья самая сложная задача за день — не пролить суп.

— Довольно, — сказал Дмитрий. Голос его изменился. Исчезла хрипотца усталости. Появились низкие, вибрирующие нотки, от которых задрожали столовые приборы на столе.

Он перестал бороться с креслом. Вместо этого он позволил силе течь свободно. Не огонь. Пока нет. Чистое термическое расширение.

Воздух вокруг ножек стула мгновенно раскалился докрасна. Дерево не загорелось — оно начало стремительно чернеть, трескаться и обугливаться, теряя влагу. Корни Клары, вплетенные в древесину, обожгло чужеродным жаром. Геомантка вздрогнула, ее пальцы, лежавшие на столешнице, рефлекторно впились в дерево. — Ах ты ублюдок! — выдохнула она. — Жжешь мою структуру!

— Именно, — улыбнулся Дмитрий.

Улыбка вышла страшной. Правый уголок его рта дернулся вверх выше левого, обнажая зубы в оскале, совершенно не свойственном цивилизованному человеку. Это была физиономия убийцы, много лет выживавшего там, где дипломатия заканчивалась пеплом.

Аглая среагировала первой. Вода из заварочного чайника, еще не успевшая остыть, взвилась в воздух острым ледяным шипом. Целительница знала анатомию — метила в шейную артерию.

Миранда одновременно рванула потоки воздуха, пытаясь сбить прицел подруги и лишить Дмитрия кислорода в зоне лица.

Клара ударила снизу. Пол под ногами Дмитрия вспучился бугром острого базальта, целясь в колени.

Они действовали синхронно, отработанно, как единый механизм. Четверо против одного. Идеальный разгром.

Если бы они сражались с кем-то другим.

Дмитрий не стал блокировать воду Аглаи. Зачем тратить энергию на щит? Он просто *открыл* поры своей кожи. Ледяной шип вошел ему в плечо, разрывая ткань сюртука. Боль вспыхнула и тут же погасла, поглощенная внутренним жаром. Кровь вскипела вокруг инородного тела, испарив лед в пар за долю секунды. Рана затянулась, оставив лишь дымящуюся дырочку на плотной ткани.

Базальтовый пик Клары ударил в сапоги. Дмитрий не отпрыгнул. Он принял удар на жесткие, армированные рунами подошвы. Камень крошился о зачарованную кожу, но Дмитрий использовал импульс удара. Он толкнулся от растущего сталагмита вверх, используя его как трамплин.

В этот момент иллюзия Евы дала трещину. Сквозь звуковой купол прорвался звон бьющегося стекла — это на кухне кто-то уронил поднос, увидев, как один из посетителей взлетает к потолку.

Дмитрий завис в воздухе на высоте человеческого роста, окруженный вихрем чужой магии. Аэротургистка давила прессом, пытаясь впечатать его обратно в пол. Геомантка пыталась спутать ноги каменными змеями. Аглая формировала водяной молот размером с пивную бочку.

А Дмитрий просто падал. Медленно, контролируемо, головой вниз. Прямо на центр их стола.

Это не было атакой. Это было нарушение личного пространства радикальным способом.

Столешница из мореного дуба рассчитана на пьяных грузчиков, но не на вертикальное падение девяностокилограммового мужчины в состоянии частичной трансформации ядра. Дуб хрустнул. Стол разлетелся в щепки. Фарфор, серебро, горячий чайник — все это полетело в лица нападающим.

Дмитрий приземлился на обломки четырьмя точками опоры, как огромный кот. Осколки чашек брызнули из-под сапог.

Он оказался в центре вражеского построения.

Аглая завизжала — тонко, по-звериному, когда кипятки из разбитого чайника плеснул ей на колени. Она отшатнулась, инстинктивно формируя водный барьер вокруг себя. Миранда захлебнулась воздухом, потеряв концентрацию от неожиданности маневра. Клара попыталась схватить его руками-камнями, вырастив их прямо из пола.

Дмитрий перехватил обе ее каменные ладони своими, обычными человеческими руками.

По залу прокатился низкий гул. Плоть встретилась с гранитом. На мгновение показалось, что кости огневика должны превратиться в муку. Но вместо хруста раздался звук, похожий на работу точильного камня. Ладони Дмитрия начали светиться вишневым светом изнутри. Температура кожи превысила точку кипения воды.

Камень в руках Клары начал плавиться. Не превращаться в пыль — становиться вязким, текучим обсидианом. Геомантка округлила глаза. Никто никогда не нагревал ее конструкты быстрее, чем она могла отводить тепло. — Невозможно, — прохрипела она. — Твой резерв должен быть пуст!

— Мой резерв переполнен злостью, — прорычал Дмитрий.

Он рванул руки на себя. Расплавленный камень потянулся за ним клейкими нитями. Клара потеряла равновесие, рухнув вперед, прямо на него.

Дмитрий не стал ее бить. Он просто ушел вбок кувырком, увлекая за собой тяжелое тело геомантки. Клара врезалась в свою сестру — Лану, которая только-только успела подняться с пола, отряхиваясь от чая. Две дамы повалились на опрокинутый буфет, погребая под собой бутылки с коллекционным вином.

Остались Вера, Ева и раненая Аглая.

Вера стояла неподвижно. В ее руке блеснул тонкий стилет. Ни капли страха, только холодный расчет. Ева развела руки в стороны. Мир перед глазами Дмитрия поплыл. Закружилась голова — мощнейший ментально-сенсорный шторм. Иллюзионистка била в самое слабое место мага после истощения — в вестибулярный аппарат и восприятие глубины.

Пол накренился. Потолок рухнул вниз. Из углов полезли тени с лицами преподавателей Академии. Запах дыма сменился запахом ладана из кафедрального собора. Дмитрий пошатнулся. Ядро отозвалось болью — защита от четырех стихий разом требовала колоссальных затрат энергии, которых у него не было.

— Попался, — выдохнула Вера, делая выпад стилетом. Клинок целился точно в солнечное сплетение, между пластинами нагрудника скрытого ношения. Удар опытного убийцы — быстрый, экономный, смертельный.

Дмитрий пропустил удар.

Точнее, позволил телу двигаться в ритме иллюзии Евы. Для стороннего наблюдателя (если бы такие были) клинок вонзился ему в грудь по самую рукоять. Вера навалилось всем весом, проворачивая лезвие, готовая разорвать сердечную мышцу.

Но Дмитрий не упал. Он смотрел поверх плеча Веры, туда, где стояла Ева. Иллюзия работала идеально. Почти. Запахи подвели иллюзионистку. Среди запаха ладана и гниющего

болота Дмитрий четко чувствовал аромат дешевого цветочного мыла, которым пользовался трактирщик. И гравитация. Земля внизу была твердой. Настоящей.

Он расслабился. Позволил Вере думать, что она победила. А затем нанес удар. Не рукой. Всем телом. Резкий выброс кинетической энергии через стопы в доски пола.

Взрыв. Не огненный. Взрыв чистой физической массы. Дмитрий оттолкнулся от земли с такой силой, что массивные дубовые доски пола выгнулись наружу дугой. Волна сжатого воздуха прошла сквозь Веру, отбросив ее на пять шагов назад, прямо на стойку бара. Стиллет прошел вскользь, распоров кожу и мышцы пресса, но не задев органы.

Ева отшатнулась, закрывая лицо руками. Ее концентрация дрогнула. Иллюзия схлопнулась с оглушительным звоном разбившегося стекла.

Мир вернулся. Обычный грязный пол. Обычный дым от пожара (где-то за кухней действительно начинало припахивать гарью). Обычные крики ужаса проснувшихся постояльцев второго этажа.

Дмитрий стоял тяжело дыша. По ребрам струилась кровь. В ушах звенело. Каждая клетка тела вопила о необходимости немедленной регенерации. Он посмотрел на свои руки. Костяшки были сбиты в мясо, кожа сожжена до мяса о броню Клары. Силовое ядро пульсировало в груди перегретым мотором, грозя лопнуть.

Четыре стихии смотрели на него.

Аглая сидела на полу, промокая прожженную штанину мокрым полотенцем. Вода в ее руках дрожала, отражая страх хозяйки. Она поняла, что собиралась убить человека, способного сварить ее заживо взглядом. Клара выбиралась из-под обломков буфета. Платье на плече висело лоскутами, обнажив крепкую, мускулистую руку, покрытую каменной крошкой. Она смотрела на Дмитрия с суеверным ужасом пополам с научным интересом. Лана рыдала, сидя в луже вина, прижимая к груди безнадежно испорченную шляпку стоимостью в годовое поместье. Вера медленно сползала по стене бара. Стиллет валялся у ее ног. Она ощупывала бок, куда пришелся таранный удар, и смотрела на Дмитрия так, как смотрят на ожившую легенду.

Ева пятилась к выходу из кабинки. В ее глазах стояли слезы боли — отражение чужого сенсорного взрыва ударило по ней самой жесткой отдачей.

Тишина длилась ровно три секунды. Время, необходимое профессиональному солдату, чтобы оценить поле боя.

Дмитрий сделал шаг. Затем второй. Он шел к Еве. Ноги заплетались, оставляя кровавые следы на затоптанном полу.

— Нет... пожалуйста... — прошептала иллюзионистка, выставляя перед собой руки. — Я сдаюсь... я уберу защиту...

Она щелкнула пальцами, развеивая звуковой кокон.

Шум таверны обрушился на них водопадом. Где-то истошно орал хозяин: «Пожар! Горим!», посетители ломились к дверям, лошади во дворе ржали, обезумев от грохота.

Дмитрий остановился в шаге от Евы. Он поднял руку. Девушка зажмурилась, ожидая смерти.

Он аккуратно, двумя пальцами, взял ее за подбородок. Повернул голову вправо. Влево. Заглянул в расширенные зрачки. — Ресурс исчерпан на восемьдесят процентов, — констатировал он спокойным, лекционным тоном, словно находился в аудитории. — Спазм сосудов головного мозга. Легкое сотрясение. Припадок паники.

Он отпустил ее. Ева осела на пол бесформенной кучей белого шелка, потеряв сознание от переизбытка чувств и адреналина.

Дмитрий обернулся к остальным. Аглая перестала зажимать рану. Клара встала навзятжку. Даже Лана прекратила рыдать, глядя на него огромными, круглыми от потрясения глазами.

Дмитрий провел ладонью по лицу, размазывая копоть и пот. Достал из кармана платок, пропитанный кровью, и небрежно бросил его на ближайший стол. — И так, — голос его звучал глухо, но заполнял собой весь зал, перекрывая шум эвакуации. — Мы закончили с приветствиями? Тест на профпригодность пройден. Результаты неудовлетворительные. Ваша координация — мусор. Ваши тактические схемы рассчитаны на идиотов. Вы пытались убить единственного человека, который знает дорогу через Болота.

Он перешагнул через обломки стола и навис над Верой. Глава заговорщиков смотрела на него снизу вверх, прижимая ладонь к ребрам. — Еще одна такая проверка, Вера, — Дмитрий протянул ей окровавленную руку. — И я похороню вас всех прямо здесь, под полом этой харчевни. Сами решайте, насколько ваш барон Востригов дороже ваших жизней. Поднимайтесь. Нам нужно уходить, пока стража не решила, что штурм борделя — лучший способ провести ночь.

Вера несколько секунд смотрела на его ладонь. Затем вложила в нее свою руку. Дмитрий рывком поставил ее на ноги.

Хозяин таверны, вооружившийся огромной дубиной, выбежал из кухни, привлеченный наступившей тишиной. Он увидел разрушенную мебель, пятерых раненых женщин, истекающего кровью Архимага и труп общественного порядка. Мужчина посмотрел на Дмитрия. Потом на своих бывших клиенток. Переводил взгляд с одной на другую, оценивая масштаб катастрофы. Затем он тяжело вздохнул, оперся на дубину и крикнул жене наверх: — Марта! Тащи нашатырный спирт и чистые бинты! Эти ненормальные решили переиграть гражданскую войну прямо в моем зале! И скажи конюху, пусть седлает шестерых лошадей, живо! Кажется, теперь я тоже вне закона.

Они покинули «Старого контрабандиста» через окно женского туалета на задах двора, пока стражники ломились в парадную дверь.

Город встретил их промозглой тьмой. Дождь окончательно выдохся, превратившись в липкую взвесь, оседающую на волосах холодной пылью. Улицы были пусты — добропорядочные граждане прятались от грозы, а городская стража предпочитала пережидывать непогоду в караулах за горячими картами.

Дмитрий вел группу темными дворами, ориентируясь по памяти. Кровь продолжала сочиться из раны на груди, капая на мостовую. Каждый шаг отдавался тупой болью в ногах. Ядро сбило, выдавая ману рваными порциями. Он держался исключительно на чистом упорстве и том коктейле из гормонов, который природа выдает существу перед лицом неминуемой гибели.

Женщины следовали за ним теньями. Шумных истерик Ланы больше не было слышно. Аглая шла сосредоточенно, поддерживая под локоть шатающуюся Еву. Клара замыкала шествие, периодически касаясь ладонями стен домов — проверяла стабильность фундамента, готовая в любой момент создать укрытие. Вера шла рядом с Дмитрием. Она молчала, но дважды незаметно поправляла ему съехавший набок шарф, стараясь не касаться окровавленного пятна.

Наконец они вышли к старым портовым складам. Здесь пахло дегтем, гниющими водорослями и свободой. У причала, поскрипывая старыми покрывками, качалась на волнах длинная плоскодонная шаланда с косым парусом.

На корме сидел одноглазый старик в тулупе, натянутом на голое тело, и удил рыбу в маслянистую воду порта.

— Фрол, — окликнул Дмитрий, выходя на освещенный луной пирс.

Старик не спеша сматал леску. Повертел головой единственным глазом, оценивая живописную процессию. — Долго ты, — прокряхтел он, доставая кисет. — Я уж думал, утоп. Девочек зачем столько привел? Будут палубу мешками с песком загружать аль языком трепать? — Одно

другому не мешает, — выдохнул Дмитрий. Он подошел к борту и тяжело оперся о планширь. Адреналиновый откат бил его крупной дрожью. Перед глазами поплыли черные точки. — Грузимся. Идти надо сейчас. Курс на северный проток. Там заберем вещи из моего тайника и уйдем в топи.

Фрол сплюнул табачную жижу в воду. Критически осмотрел дам. Задержал взгляд на бриллиантовых серьгах Аглаи, которые та забыла снять. — За проход через таможенную доплата, — заявил старик. — И за баб тоже. От них качка сильнее. — Фрол, — Дмитрий выпрямился, собирая последние крупинцы воли. Капитан невольно отшатнулся, заглянув в глаза мага. — Если ты сейчас не отвяжешь канат, я лично высушу твой залив до самого дна, засолю дно солью и построю на нем сортир. Прямо на твоей могиле. Вопросы есть?

Вопросов не было. Старый контрабандист знал цену слову Архимага, особенно такому, сказанному шепотом. Он молча поднялся, швырнул удочку в воду и начал развязывать узел.

Пока Фрол возился с концами, Дмитрий отошел на самый край пирса, подальше от света фонаря. Его вырвало желчью и кровью. Организм наконец сдался, реагируя на перенапряжение и множественные внутренние ушибы. Он сплюнул горькую слюну, вытер рот рукавом и остался стоять, глотая морозный воздух.

Сзади неслышно подошла Вера. Она остановилась в двух шагах, не приближаясь вплотную. — Тебе нужен целитель, — сказала она. Без упрека. Констатация факта. — Мне нужно двадцать часов сна, — ответил Дмитрий, не оборачиваясь. — И сухая одежда. Остальное блажь. Как только выйдем из акватории порта, наложу на себя малый конструкт восстановления. Дня два буду овощем, зато не сдохну от сепсиса.

— Два дня у нас есть, — Вера помолчала. — Прости за проверку в таверне. Мы привыкли работать с наемниками. Те либо берут деньги и предают, либо пытаются сразу закрепить доминирование грубой силой. Ты выбрал третий путь. Самый болезненный. — Я выбрал четвертый, — Дмитрий наконец повернулся. Лицо его в лунном свете было белым, как полотно. — Я показал вам, что могу уничтожить вас всех, не вспотев. Чтобы вы перестали строить интриги за моей спиной и начали слушать приказы. Демократия заканчивается там, где начинается ядовитый туман. Там главный тот, кого сложнее убить. Вопрос закрыт?

Вера долго смотрела на него. Затем коротко кивнула. — Закрыт. Добро пожаловать в команду, Архимаг.

Она развернулась и пошла к трапу, громко раздавая указания своим подругам: — Лана, хватит гладить кота, помоги поднять парус! Аглая, проследи, чтобы Ева не свалилась за борт! Клара, иди в трюм, твои вибрации успокаивают крысиное племя, они прогрызут нам днище раньше, чем мы дойдем до середины реки!

Дмитрий проводил ее взглядом. Ребра горели огнем. Сапоги натерли ноги до костей. Впереди были семьдесят миль абсолютного ада, кишящего нежитью, галлюциногенными спорами и патрулями безумных сектантов.

Он усмехнулся разбитыми губами и сплюнул еще раз. План провалился. Тихо уйти не удалось. Зато теперь у него была компания. Самая невыносимая, опасная и непредсказуемая компания из всех возможных.

Шаланду ощутимо качнуло — это Фрол оттолкнулся шестом от берега. Город начал медленно отдаляться, погружаясь в серую мглу. Дмитрий ухватился за мокрый канат, подтягивая ослабевшее тело ближе к мачте.

Первая попытка побега закончилась полным фиаско. Железная хватка этих женщин оказалась сильнее его желания покоя. Что ж, решил он, устраиваясь на свернутом канате и натягивая на плечи чей-то вонючий брезент. Если уж идти ко дну, то в хорошей компании. Главное, чтобы они не забыли обещанное мясо.

Глава 4. Меню, которое не заканчивается

Шаланда Фрола пахла дегтем, мокрой псиной и несбывшимися надеждами. Палуба под ногами ходила ходуном в такт беспокойной воде залива, холодный ветер с севера забирался под распахнутый ворот рубашки Дмитрия, заставляя кожу покрываться мурашками. Архимаг сидел на бухте гнилого каната, прислонившись спиной к мачте, и методично считал вдохи. Один. Два. Три. На счет «десять» дрожь в руках должна была унять магический конструктор регенерации, который он втиснул в остатки своих сил.

Он закрыл глаза, пытаясь провалиться в спасительное забытие хотя бы на пару минут. Трюмная качка убаюкивала лучше любой колыбельной, а соленый запах моря вытеснял из памяти гарь разгромленной таверны. — Он спит? — раздался над ухом шепот Ланы. — Если спит, я утоплю его прямо здесь, — ответила Вера голосом, лишенным всяких эмоций. — Дмитрий. Просыпайся. Нам нужно обсудить рацион.

Дмитрий разлепил веки. Мир качнулся, окрасившись в тошнотворные зеленоватые тона морской болезни. Вера стояла перед ним, скрестив руки на груди. За ее спиной сгрудились остальные. Даже Ева выбралась из своего кокона меланхолии и теперь смотрела на него огромными голодными глазами. Только Софья сидела на носу судна, кутаясь в два шерстяных пледа сразу, и мелко стучала зубами от холода и пережитого ужаса.

— Какой еще рацион? — просипел Дмитрий. Слова давались с трудом; горло пересохло, словно он неделю бродил по пустыне. — У нас есть сухари, вяленая говядина и вода. И то, если Фрол не продал припасы цыганам, пока мы драпали через порт.

— Речь не о походных пайках, — терпеливо пояснила Клара. Она возвышалась над Дмитрием подобно гранитному утесу, заслоняя собой луну. — Мы покинули город в спешке. Ужин был прерван на стадии десерта. Мой метаболизм требует восполнения глюкозы после применения геомантии четвертого порядка. Я хочу сладкого.

Слово «сладкое» прозвучало в ночи как боевой клич. Аглая, до этого задумчиво пускавшая блики лунного света кинжалом по лезвию (водный слой на стали преломлял свет в радугу), встрепенулась: — О да! Крем-брюле! Обязательно с карамельной корочкой, чтобы она хрустела вот так... — она сделала выразительный жест рукой, щелкнув пальцами. — И внутри жидкая ванильная лава. И свежая мята. Фрол, поворачивай к набережной, там лучшая кондитерская!

Одноглазый старик на корме грязно выругался, сплюнул за борт и крепче вцепился в штурвал. Поворота не последовало.

— Кондитерская закрыта три часа назад, Аглая, — мягко, но с нотками стали произнесла Вера. — Как и весь остальной мир. Мы посреди залива. Вокруг вода. Хочешь крем-брюле — вырасти его. — Я целитель, а не ботаник-парфюмер! — возмутилась Аглая. — Из меня вырастет только плесень или ядовитый плющ. Для нормальной выпечки нужен огневик. Дима, милый, ты же можешь испечь нам что-нибудь? Всего один эклер. Маленький.

Все взгляды обратились на Дмитрия. Шесть пар глаз — янтарных, голубых, прозрачных, карих и агатово-черных — смотрели на него с такой всепоглощающей, требовательной надеждой, что ему захотелось перевалиться через борт и уплыть к русалкам.

— Вы серьезно? — он приподнялся на локтях. Боль в ребрах вспыхнула белым пламенем, напоминая, что час назад его пытались проткнуть стилетом. — Я потратил сорок процентов резерва на вашу идиотскую проверку со стулом. Еще двадцать ушло на поддержание теплового купола над нами, потому что ваша иллюзионистка экономит ману на обогрев вместо защиты от сканеров барона. Если я сейчас сожгу хоть одну калорию на ваш десерт, завтра в Болотах нас сожрет первая же жаба-мутант, потому что я не смогу поднять щит. Я буду лежать пластом и булькать.

— Но желудок-то урчит, — капризно надула губы Лана. Она сидела на перевернутой бочке, болтая ногами, обутыми в сапоги Дмитрия (ее собственные туфельки на шпильках давно промокли и были брошены в трюм). — И вообще, Димочка, разве архимаг вашего ранга не может создать еду из ничего? Иллюзию?

Ева, стоявшая чуть поодаль, зябко повела плечами. Идея ей понравилась. Она вышла вперед, изящным движением поправляя шаль. Воздух вокруг нее замерцал, становясь густым и сладким. Прямо в воздухе, на уровне глаз Ланы, соткалось пирожное.

Это было произведение искусства. Три слоя воздушного бизе цвета первого снега венчал мусс из бельгийского шоколада, политый золотой глазурью. По бокам красовались марципановые розы размером с кулак, посыпанные настоящей алмазной пылью, которая переливалась в лунном свете. От иллюзии исходил одуряющий аромат свежей выпечки, дорогого ликера и лесных орехов.

Лана восторженно взвизгнула и потянулась руками к лакомству. — Осторожно! — рявкнул Дмитрий раньше, чем успел подумать. Инстинкты боевого мага сработали быстрее уставшего мозга.

Его рука метнулась вперед. Не для того, чтобы остановить девушку, а чтобы ударить по воздуху ладонью. Раздался звон разбитого стекла. Иллюзия Евы лопнула с жалобным треньканьем. Золотая пыльца осела на палубу обычным речным песком, а запах шоколада сменился резкой вонью озона и жженой бумаги.

Лана отдернула руку, обиженно глядя на Дмитрия. — Зачем?! Оно же было идеальным! — Потому что оно *было*, — выдохнул Дмитрий, массируя переносицу. Голова раскалывалась. — Ева, твои проекции великолепны визуально. Но твой контроль вкусовых рецепторов отвратителен. Прошлый раз, когда ты пыталась накормить Клару земляникой, твоя «идеальная ягода» на вкус оказалась комком сырой глины с привкусом ржавчины. Если Лана попытается это съесть, она сломает зуб о пустоту или подавится воздухом. А мне потом придется проводить экстренную трахеотомию ножом для чистки рыбы. Нет.

Клара гулко хмыкнула, выражая полное согласие с диагнозом. — Факт, — прогудела она. — Мои зубы стоят дороже, чем вся эта посуда. Я пас. Хочу настоящую еду. Плотную. Сытную. Что-нибудь печеное. Может быть, мясной рулет с грибами и сыром? Чтобы начинка вытекала...

— Мясной рулет?! — взвилась Миранда, которая все это время куталась в парусину, изображая оскорбленную добродетель. — Вы хотите забивать свои тонкие тела этой тяжелой, мертвой плотью? После такого стресса организму нужна легкость! Воздушность! Я требую меренговый рулет со вкусом летнего ветра и облака лимонного беже! Чтобы таял во рту, оставляя послевкусие грозы!

— Тебе лишь бы дуть, — беззлобно огрызнулась Клара. — Твое облако беже прилипнет к небу. Мне нужны углеводы долгого распада. Сложные сахара. Мед. Орехи. Грецкие. Нет, кедровые. Хотя нет, миндальное суфле...

Начался хаос. Вера молча наблюдала за разгорающимся конфликтом, сложив руки на груди. Софья тихо плакала в своем углу, свернувшись клубочком — реакция запоздалого отката после похищения. Ее никто не слышал.

— Тише! — голос Дмитрия прорезал споры дам, как нож масло. Сказались годы преподавания первокурсникам. Когда орешь достаточно часто, тембр намертво въедается в связки. — Молчать. Все.

Женщины обернулись. Даже Фрол на корме притих, наострив единственное ухо.

— Вы ведете себя как дети в лавке сладостей, — Дмитрий медленно поднялся, опираясь на мачту. Каждое движение отдавалось тупой болью в крестце. — У нас нет меню. У нас нет кухни. У нас есть ночь, река и вероятность погони. Но раз уж вопрос встал ребром... слушайте мой вердикт.

Он обвел их тяжелым взглядом. — Первое: никакой магии. Никто из вас не открывает канал ради нагрева воды. Экономим силы для Болот. Второе: еда должна быть сытной, быстрой в усвоении и не требовать долгой готовки. Третье: компромисс.

Он поднял палец, пресекая готовые сорваться возражения. — Мы берем базу. Хороший, плотный бисквит. Без изысков. Это пойдет Кларе для тяжести и Мине для легкости, если та перестанет капризничать. Далее — слои. Мы делаем ассорти. Один сегмент рулета пропитываем шоколадным ганашем — это для Аглаи. Второй — легким ягодным курдом, почти прозрачным — это для Миранды. Третий — густой карамелью с солью — для Клары. Покрытие — нейтральный сливочный крем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.